

На следующий день Тин Шуан получил подарок из Берлина от Су Пин.

Ранее он выбрал несколько банок специальных кофейных зерен, а также чернику, которую вырастил вместе с Баем Чан И, и отправил их Су Пин вместе с их фотографией. На этот раз Су Пин прислала две бутылки черносмородинового вина, коробку печенья, которое она испекла, две банки домашнего варенья, фотоальбом и несколько старых книг с заметками.

Заметки в книгах были оставлены Баем Чан И в подростковом возрасте. Обтянутый тканью фотоальбом содержал фотографии Бая Чан И, когда он рос. Большинство из них были сделаны в возрасте до десяти лет, и по мере того, как он становился старше, количество фотографий уменьшалось. Тин Шуан просматривал его страницу за страницей, его внимание привлекла фотография Бая Чан И, играющего в теннис. Он долго не переворачивал страницу.

Под фотографией была написана дата: 21 июня 2003 года.

Баю Чан И на ней было почти двадцать лет.

- Черт... - фотография также привлекла внимание Чжу Вэньцзя, который проходил мимо. Стоя позади Тин Шуана, он воскликнул, - Моя невестка был таким красивым в молодости.

- Теперь он тоже молод, - Тин Шуан перевернул страницу, - И теперь он еще красивее.

- Ладно, я заткнусь. Моя невестка вечно молодой, - Чжу Вэньцзя подумал о чем-то, - О, ге, экономические санкции отца в отношении меня закончились. В следующем месяце я пойду посмотрю университеты. Я хочу посмотреть довольно много, поэтому не буду летать сюда каждый раз после каждого просмотра. Это хлопотно - летать туда-обратно.

- О'кей, ты и сам можешь во всем разобраться, - Тин Шуан перевернул страницу с теннисной фотографией. В какой-то пустыне 20-летний Бай Чан И сидел на крыше джипа со своими друзьями. Позади них огромное круглое солнце тонуло в бесконечном желтом песке.

В тот же день Чжу Вэньцзя заказал билет и улетел, оставив в спальне десять тысяч евро наличными. Когда Тин Шуан понял, что он уехал, он позвонил Чжу Вэньцзя, чтобы спросить, что происходит. Чжу Вэньцзя усмехнулся:

- Ге, я не рассматривал ваш дом как отель. Это для тебя. Ты зарабатываешь всего 20 евро в час. Мне было так тебя жалко, что за последние десять-двадцать дней я не мог даже есть нормально и пользоваться твоими вещами.

Услышав это, Тин Шуан рассмеялся:

- Да ладно, ты так говоришь, но я не видел, чтобы ты ел меньше.

- Это правда, я даже набрал два цзиня*, пока жил с тобой, - засмеялся Чжу Вэньцзя, - Если это все, я кладу трубку. Я уже сажусь в самолет. Передай привет моей невестке!

Тин Шуан повесил трубку, и его взгляд упал на рабочий стол, где лежал фотоальбом, который он не закончил просматривать. Все остальные вещи, посланные Су Пин, также были разбросаны по столу.

Родители Бая Чан И так хорошо относились к нему, но с другой стороны...

Тин Шуан лег на траву во дворе, некоторое время смотрел на небо и послал сообщение Чжу Ао:

«Папа, давай найдем время поговорить, только вдвоем».

«Не торопись, - подумал он про себя, - Если это нельзя решить сразу, то мы сделаем это шаг за шагом».

Тин Шуан немного подождал и Чжу Ао ответил:

«Подумай о том, что я сказал вчера, не спеши опровергать это. Подумай об этом еще десять дней или полмесяца, а потом поговори со мной».

Тин Шуан уставился на экран. Спустя долгое время он напечатал несколько слов, затем снова удалил их.

Когда Бай Чан И вернулся домой, он случайно увидел эту сцену: внезапно рука Тин Шуана задрожала, телефон упал и ударил его по переносице, и это было так больно, что он судорожно вздохнул.

- Ты смеешься? - когда Тин Шуан увидел Бая Чан И, он тут же вскочил и прижался к нему.

Бай Чан И просто позволил Тин Шуану обнять его, и случайно мельком увидев слова на экране телефона, когда опустил голову, чтобы открыть дверь:

- Ты думал о том, что хочешь сказать?

-... Нет, - сказал Тин Шуан, - Я просто не могу сказать своему отцу, что никто знает, может, вместо того, чтобы умереть одинокой смертью от старости, я могу умереть молодым, может быть, даже уже завтра. В конце концов, я его сын. Он придет в ярость, если я это скажу.

- Тин, - Бай Чан И поставил Тин Шуан вниз, - Давай выйдем ненадолго.

Обняв Бая Чан И за шею, Тин Шуан спросил:

- Куда мы пойдём?

- На Центральном кладбище, - сказал Бай Чан И, - Я хотел отвезти тебя туда вчера, но оно закрывается в 8 вечера, а вчера было уже слишком поздно.

- Кладбище? - спросил Тин Шуан, - Зачем мы идем на кладбище? Это что, годовщина чьей-то смерти?

- Нет. Мы просто идем гулять.

- Тогда почему мы идем гулять по кладбищу?

- Посмотреть на смерть. Поговорим о старении и о смерти.

Тин Шуан был поражен.

- Я должен был отвезти тебя туда давным-давно, - Бай Чан И нежно провел пальцами по челке Тин Шуана, - Старение и смерть встречаются так же часто, как розы. Я не хочу, чтобы ты боялся старения или смерти, и я не хочу, чтобы ты был в растерянности, когда встретишь их.

Только когда они подъехали к центральному кладбищу, Тин Шуан понял, что оно находится недалеко от церкви в старом городе. На самом деле он часто проходил мимо этого района, но никогда не замечал кладбища. Мраморные стены доходили только до пояса среднего человека. Внутри стен был круг из высоких зеленых кустов. Из-за стены сквозь кусты смутно виднелись надгробия и цветы перед могилами.

- Здесь так красиво, как будто... в саду, - на кладбище было так тихо, что Тин Шуан неосознанно понизил голос.

Он впервые видел столько надгробий. Они были прямоугольные, крестообразные, овальные... Перед каждым были высажены цветы, а на некоторых даже стояли библии или скульптуры ангелов. Вдалеке кто-то поливал цветы, а некоторые люди сидели на скамейках, задумчиво глядя на могилы.

Атмосфера на кладбище была не страшной, а спокойной.

Тин Шуан остановился, чтобы посмотреть на надпись на надгробии: «1911-1951гг.», человек по имени Гюнтер спит здесь в течение 68 лет. Эпитафия была написана готическим шрифтом, и ее было трудно расшифровать. Тин Шуан долго смотрел на нее прежде чем попытался перевести фразу:

- Он прожил сорок стремительных... необычайных лет.

- Процветания, - Бай Чан И кратко перевел, - У него было сорок лет процветания.

- У него было сорок лет процветания, - Тин Шуан медленно и тихо повторил предложение несколько раз, он вдруг был тронут этим предложением, тронут использованием слов «у него было».

Он не знал, думал ли этот человек по имени Гюнтер в молодости о том, какой будет его жизнь после пятидесяти или о том, как он проведет остаток своей жизни.

Но на самом деле у людей не было ни будущего, ни так называемого «остатка жизни». «Остаток нашей жизни» - это всего лишь видение, плод воображения. Единственное, что по-настоящему принадлежит тебе, - это прожитые годы и настоящий момент.

Тин Шуан спокойно стоял перед надгробием, и в груди у него вдруг стало легче.

В этот ясный осенний день дул легкий ветерок.

- Мы должны двигаться дальше? - спросил Тин Шуан.

- Мм, - ответил Бай Чан И, и они вместе пошли вперед.

Сделав несколько шагов, Бай Чан И сказал:

- Если я умру завтра, на моей эпитафии будет написано: «У него было тридцать шесть лет процветания и молодой возлюбленный по имени Тин Шуан».

Тон, который он использовал, был настолько естественным и обычным, что Тин Шуан совсем не противился.

- Это ведь не страшно, правда? - Бай Чан И улыбнулся и пошутил, - Если мне повезет, у меня также будет эпитафия, которая гласит: «У него было сто лет процветания и старый возлюбленный по имени Тин Шуан».

Тин Шуан тоже улыбнулся:

- Тогда я буду восьмидесятивосьмилетним красивым стариком, который курит, ездит на кабриолете, обнимает и целует тебя на светофоре. Кто бы ни посмел показать мне фак, я сделаю с ним то же самое. Во всяком случае, когда придет время, неважно, какой сопляк это сделает, я смогу относиться к нему как к своему внуку.

*1 цзинь - 0,6 кг

<http://bllate.org/book/13603/1206288>